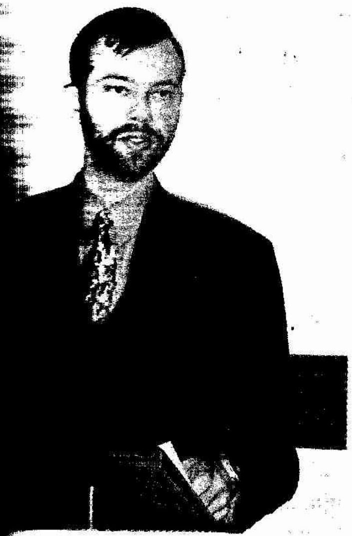
ДРЕВНЕРУССКИЕ ГОРОДИЩА В СИСТЕМЕ УКРЕПЛЕНИЙ БЕЛГОРОДСКОЙ ЧЕРТЫ

А.И. Папков



Андрей Игоревич Папков,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры социологии
Белгородского государственного
технологического университета

В период с 1635 по 1653 г. на южной окраине Российского царства велись [illegible]масштабные строительные работы, результатом которых стало сооружение [illegible]дской черты. Черта протянулась на расстоянии около 800 км. Она включала [illegible] города-крепости, разнообразные деревоземляные инженерные сооружения, а [illegible] естественные препятствия. При создании укреплений строители стремились [illegible]льно использовать рельеф местности. На основании изучения письменных [illegible]ков Г.В. Алферова проследила все фазы строительства нового города: от вы[illegible]ста под город до его заселения. По ее мнению, место под город выбиралось, [illegible] из общегосударственных задач. На выбранное место сразу составлялся чер[illegible]роспись и делалась смета (Алферова, 1989. С. 107) В итоге, ряд сооружений [illegible] возникли на месте более ранних укреплений древнерусского времени. Пред[illegible]тся важным попытаться определить, насколько широко при возведении укре[illegible] XVII в. использовались остатки аналогичных сооружений предшествующей [illegible]

Перед началом строительства обычно проводилась тщательная разведка ме[illegible], результаты которой фиксировались и направлялись в Разрядный приказ. [illegible]ился ряд документов XVII в., которые содержат описания древнерусских го[illegible]. Это обстоятельство позволяет не только определить возможные направления [illegible]огических исследований, но и дополнить данные археологии новыми сведе[illegible], что особенно важно в том случае, если памятник сохранился частично или не [illegible]ился вообще.

На основании изучения архитектурно-планировочных структур крепостей Белгородской черты Г.А. Каримов классифицировал все «города» по следующим признакам: а) по географическому признаку — «города» ставились на берегах рек и на открытых местах; б) по стратегическому признаку — это были «города» сторожевые (стояли у бродов и переправ) и «города», выстроенные на главных направлениях татарских вторжений; в) по планировочному признаку — «города» в системе основных земляных валов и «города» на берегах рек; г) по конструктивному материалу — они были деревянные, дерево-земляные и земляные; д) по типу стен — «города» рубленые городнями или тарасами, стоячий острог с обламами, стоячий острог без обламов и земляные «города» (Каримов, 1977. С. 116).

Непосредственно к западному фасу Белгородской черты примыкал район, имевший довольно большое число остатков поселений древнерусского времени, которые обычно именуют «Путивльскими городищами». В начале XVI в. верховья Ворсклы вошли в состав России. Ближайшим к этому району русским городом оказался Путивль. Поэтому старые городища — Ахтырское на Ворскле, Ольшанское, расположенное недалеко от Ворсклы, Недрыгайловское на берегу Сулы и некоторые другие стали называться «Путивльскими городищами». После 1618 г. упомянутые городища отошли к Речи Посполитой и лишь в 1643 г., при размежевании русско-польской границы, правительство Речи Посполитой обязалось вернуть эти городища Российскому царству. Передача их состоялась несколько позднее, в 1647 г.

На Ахтырском городище на момент перехода его к России имелся дубовый острог с 11 башнями, выстроенный польскими властями в 1641 г. Однако его укрепления были полуразрушены. В дальнешем здесь находился российский стоялый острог, а в 1650 г. было решено его покинуть и разрушить. В 1654 г. Ахтырский город был вновь построен, но уже на новом месте, за Ворсклой (Загоровский, 1969. С. 166—168). В итоге, Ахтырка не вошла в число крепостей Белгородской черты, она стояла «за чертой» (РГАДА. Дела десятен. № 261. Л. 3).

Еще в 1626 г. завязался конфликт вокруг одного из Путивльских городищ: «Нового городища» на Псле. Летом этого года воеводы Путивля получили известия о намерении более чем тысячи черкас из Лубен, Синеча, Прилук и Лохвицы поселиться в Путивльском уезде. Эти украинские казаки, выписанные из реестра, намеревались построить укрепления на Новом городище, чтобы отразить возможную попытку русских войск выбить их с территории Российского царства. Путивльские воеводы выслали на городище отряд численностью в 500 чел. и, по указу из Посольского приказа, направили грамоты к урядникам вышеперечисленных городов Речи Посполитой. В грамотах отмечалось, что по межеванию упомянутое городище признано «исконно вечной землей Путивльского уезда Хоненской волости», а значит, подданные польской короны не имеют права на нем селиться (РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1626 г. № 13. Л. 2—5). Таким образом, на данном городище не возникло в это время новых укреплений, не вошло оно в дальнейшем и в систему укреплений Белгородской черты. Имеются и противоположные примеры, т.е. случаи, когда новые укрепления оказывались связанными со старыми.

Между Ахтыркой и Вольным находилось «Ступино городище». Судя по описанию П. Зиновьева, городище не подвергалось обновлению во время сооружения

ородской черты, т.к. с одной стороны к нему примыкал лес, в котором была сделана засека, а с другой — шли густые леса и топкие болота, сами по себе непроходимые для татар (РГАДА. Дела десятен. № 261. Л. 11—11об.).

В 1640 г. на Хотмыжском городище был поставлен стоячий острог. Это древнерусское городище ранее было хорошо известно русским сторожевым отрядам. ичиной является его чрезвычайно выгодное месторасположение. Оно находилось мысу коренного берега р. Ворсклы и доминировало над окружающей местностью. случайно Хотмыжское городище — единственное из городищ на Ворскле, шее в «Книгу Большому чертежу» (Загоровский, 1969. С. 173). В настоящей ста не дается подробная характеристика этого городища, т.к. оно достаточно хорошо чено археологически (Дяченко, 1993. С. 33—34)

Существовало старое городище и близ урочища «Карпово сторожевье», там, во время строительства Белгородской черты был сооружен город Карпов. Воево Н.М. Боборыкин, выбиравший место для строительства крепости, измерил «ста вал» и предлагал включить его в систему укреплений Карпова. Карпово сторое было хорошо известно русским станичникам и жителям южной окраины Рос еще в XVI в. Первый план строительства российской крепости на этом месте ик еще в 90-е гг. XVI в. (Загоровский, 1969. С. 175). В 1644 г. Разрядный приказ нял решение о строительстве крепости на Карповом сторожевье, на правом бере р. Ворсклы. На этот раз решение было воплощено в жизнь. Закладка крепости солась 13 апреля 1644 г., а 15 мая стоялый острог на Карповом сторожевье был поен. В 1646 г. Карпов стал жилым городом. В это же время был построен и земой вал (Загоровский, 1969. С. 107—108).

Весной 1637 г. г. Усерд был заложен на месте нижнего Усердского городища оровский, 1969. С. 101). Этому событию предшествовала тщательная разведка тности. Как следует из наказа Ф.В. Сухотину и Е. Юрьеву, еще в 1629/30 г. князь ен Львов посылал атамана Ивана Орефьева из Воронежа «на Тихую Сосну, на рд». Туда же из Оскола воевода Афанасий Тургенев направил осадного голову ва Левыкина. Осенью 1636 г. по государеву указу на Тихую Сосну и Усерд оский воевода Константин Пущин отправил своего сына Панкратия. По мнению Пущина, Я. Левыкина и И. Орефьева, на Усерде можно было возвести жилой ост. Федору Сухотину и Евсевию Юрьеву надлежало проверить упомянутое заклюне. Для этого они поулучили росписи «старых городищ и всяких крепостей», положенных на Тихой Сосне, на Усерде и в устье Ольшаницы (РГАДА. Столбцы городского стола. № 73. Л. 1—3).

В фондах РГАДА сохранилась «Роспись Усердцкому верхнему городищу и ьшанскому городищу, что, по государя царя и великого князя Михаила Федоро всея Руси указу, в нынешнем, во 14[5]-м году, сентября в 16-й день Понкратей щин Усердскова городища и Ольшанского городища досмотрил, и описал, и изрил, и на чертеж положил». Она была послана в Разряд его отцом К. Пущиным и учена в столице 30 сентября 1636 г. (РГАДА. Столбцы Белгородского стола. № Л. 335—338). В «Росписи...» отмечается, что река Усерд в районе верхнего рдского городища меняет направление: сначала она течет с запада на восток, а ом поворачивает на юг. Городище определяется в документе как круглое в пла-

не, хотя, при описании вала и рва, говорится следующее: «А по мере того гор на передке стены приезду от Оскола с полдень поперек осыпи 44 сажени. стена 52 сажени, за той стены вышла гора <...> Третья стена от реки Усерда по 55 сажень. В длину того городища к реке Усерду посередине да осыпи 60 саже осыпь ото рва со всех четырех сторон вверх по семи сажень». Кроме того, с сторон, за осыпью следовал очень крутой спуск к реке Усерду, расстояние от о до воды составляло в первом случае 50 саженей, а во втором — 53 сажени. С других сторон городище было прикрыто слабее. С одной стороны шел по спуск длиною в 32 сажени, а со стороны Оскола было ровное место.

В целом, можно признать расположение верхнего Усердского городища вольно удобным, но его существенным недостатком было отсутствие питьевой во

Интересную попытку включения в Белгородскую черту древних обор тельных сооружений на ее Острогожском участке отметил В.П. Загоровский. П рег р. Острогощи между лесами задолго до сооружения Белгородской черты бы сыпан земляной вал длиной более километра. Документы середины XVII в. наз ют его «старым валом». В конце 40-х гг. XVII в. вал был подправлен, среди него ставили две башни, а в лесу устроили засеки (Загоровский, 1969. С. 203). Да и са Острогожск был выстроен на «старом Острогожском городище» в 1652 г. (Заго ский, 1969. С. 143—144).

Вместе с тем, имеются примеры, когда древнерусские городища были изв ны строителям Белгородской черты, но не вошли в систему ее укреплений. В кач ве примера можно привести ситуацию, сложившуюся в 1635 г. в связи с построй г. Козлова, с которого и началось сооружение Белгородской черты. В этом слу решение о строительстве нового города было принято без тщательной разведки стности. В этот раз ограничились опросом тех знатоков южной окраины в Разря приказе, которые оказались в это время в столице. По наблюдениям В.П. Загор ского, проект указа о сооружении нового города был составлен разрядными дьяк 22 августа 1635 г. В нем говорилось о строительстве укреплений на Урляповом го родище. Однако окончательный текст указа, который датируется 5 сентября того года, был дополнен словами «или где пригоже». Прибыв на место, воевода И. Б кин отдал предпочтение не Урляпову городищу, а урочищу, на котором располага лось временное жилище крестьянина С. Козлова. Последнее находилось на прав берегу р. Лесного Воронежа, выше Урляпова городища. Следовательно, древнерус ское городище в данном случае не вошло в систему укреплений начавшей создавать ся Белгородской черты (Загоровский, 1969. С. 85—87).

Интерес строителей вызвало старое городище, обнаруженное в ходе подго товки к основанию еще одной крепости Белгородской черты — Царева-Алексеева (с 1655 г. — Новый Оскол). По-видимому, ранней весной 1647 г. воеводе Усерда Ивану Чемоданову было предписано осмотреть территорию для определения места по стройки города. Отписка И. Чемоданова была получена в Разряде ранее 3 апре 1647 г. Он предлагал строить жилой город на устье Белого Колодезя, возле Посоль ской дороги, там, где проходила Кальмиусская сакма. В результате, было решено по строить здесь крепость в виде стоячего острога (РГАДА. Столбцы Белгородского стола. № 237. Л. 105—107).

Однако, по неясной причине, было принято решение провести еще одну разведку местности. Для этого 9 апреля 1647 г., по указу из Разрядного приказа, воевода князь Иван Михайлович Волконский и дьяк Давид Мордасов ездили из Оскола «на Кальмиюскую сакму на речку на Бел Колодезь и в Жестовье досматривать, где лутче быти жилому городу...» (РГАДА. Столбцы Белгородского стола. № 237. Л. 238). При осмотре местности, в шести верстах ниже впадения в Оскол р. Белого Колодезя, на Жестовых горах, справа от Посольской дороги, было обнаружено «старое городище». В плане оно представляло собой четырехугольник и находилось «против Глухово озерка». Городище было описано и измерено. Судя по описанию, оно располагалось в месте, хорошо защищенном естественными препятствиями. С трех сторон к городищу подходили обрывистые склоны оврагов глубиной от 55 до 45 саженей. Кроме того, древнее поселение имело свои земляные укрепления (ров и вал), частично сохранившиеся и в XVII в. По замеру И.М. Волконского и Д. Мордасова, периметр вала равнялся 431 сажени. Длина вала со стороны Посольской дороги («с приезду») — 92 сажени, со стороны р. Оскола и Глухова озерка — 152 сажени, с московской стороны — 70 саженей, а длина старой осыпи с валуйской стороны составила 117 саженей. Расстояние от старой осыпи до Глухово озерка составляло 70 саженей (РГАДА. Столбцы Белгородского стола. № 237. Л. 246—247).

И.М. Волконский и Д. Мордасов составили чертеж Жестовскому городищу. 12 мая 1647 г. этот чертеж был прислан воеводе Василию Петровичу Львову, который находился на Белом Колодезе и был назначен руководителем строительства Царева-Алексеева. В соответствии с указаниями Разрядного приказа, Львов велел снять с чертежа копию для себя, а оригинал вернуть в Москву (РГАДА. Столбцы Белгородского стола. № 237. Л. 306). В тот же день В.П. Львов со всеми своими людьми отправился к Жестовым горам, т.к. именно там, на старом городище, ему было велено выстроить крепость. Воевода сам произвел осмотр места, отведенного под строительство. По его мнению, «на Жестовых <...> горах жилому городу быть не пристойно, потому что место самое худое, а блиско <...> того городища воды нет, и без воды служилым людем, которым город строить, и впредь жилецким людем будет нужа большая, а до реки, до Оскола, от городища далече. А с полевые <...> стороны Жестовых гор пришли бояраки крутые, и в бояраках леса большие, и в приход воинских людей от того города не видно и не усторожливо...» В.П. Львов предложил ставить крепость при впадении Белого Колодезя в Оскол, по росписи и по чертежу Ивана Чемоданова (РГАДА. Столбцы Белгородского стола. № 237. Л. 307—308).

Несколько проясняет сложившуюся ситуацию «Роспись городовым местам, где указано быть жилому городу на Жестовых горах, и что каких угожих мест на Беле Колодезе», составленная В.П. Львовым и отправленная в Москву 16 мая 1647 г. (жилец Борис Львов доставил ее в Разряд 22 мая того же года) (РГАДА. Столбцы Белгородского стола. № 237. Л. 308—311). В «Росписи...» указывается, что князь Львов при «досмотре» не обнаружил поблизости от старого городища на Жестовых горах озера. От только отметил наличие вокруг городища значительных по площади болот и лесов. По его словам, в болоте стоит вода лужами, да и то не везде, а максимальная глубина лужи — две пяди. При этом расстояние от городища до луж несколько более семидесяти саженей. Однако подъем в этом месте очень крутой, подниматься по нему трудно. Кроме личного впечатления, воевода ссылался на мнение жителей Оскола, хорошо знающих эти места. Они утверждали, что это болото на-

полняется вешней водой, а зимой и летом там воды не бывает, лужи пе
Так что на самом деле озера возле городища нет. Далее В.П. Львов обра
ние на трудность доставки воды из Оскола, т.к. этому препятствовал кру
и большое расстояние до реки — 2205 саженей.

Примечательно высказывание стрелецкого десятника Артемия Па
который служил в приказе Алексея Полтева, но был родом из Валуйки. В
си...» он назван «старожильцом», и его слова воевода изложил достаточно
«...в том де месте на Жестовых горах жилова города в старину не бывало, а
де на той Жестовой горе меж бояраков казаки, окопався от татар». История В
к этому времени насчитывала около полувека, поэтому А. Парфеньев не мо
щить достоверной информации о городище. А вот упоминание об обороне
от татар в данном месте указывает на выгодное в военном отношении распо
городища. Таким образом, и в этом случае старое городище не вошло в систе
реплений Белгородской черты. Однако позднее на этом месте, за чертой, б
ставлен Жестовый стоялый острожек, являвшийся своеобразным передовым
лением Нового Оскола (Загоровский, 1969. С. 192).

Схожую ситуацию можно отметить по отношению к Нижегольскому го
щу и городу Нежегольск. На правом берегу Северского Донца, немного ниже
р. Нежеголи, располагалось «Нежегольское городище». Крепость же Нежего
была построена в 1654 г. на правом берегу Нежеголи, в 20 км от ее устья, и
общего с упомянутым городищем, кроме названия, не имела (Загоровский, 19
185—186).

Приведенные примеры позволяют утверждать, что в системе укреплений Бе
городской черты городища древнерусского времени не играли существенной р
Причину этого следует, видимо, искать в том, что, по сравнению с отдельными
постями, Белгородская черта была призвана решать несколько иные задачи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алферова Г.В. Русские города XVI—XVII веков. М., 1989.

Дяченко О.Г. Давньоруське місто Хотмисль (деякі підсумки розкопок 1983 та 1990—1992 рр.) // Роль ранніх міських центрів в становленні Київської Русі: Матеріали польового історико-археологічного семінару. Суми. 1993.

Загоровский В.П. Белгородская черта. Воронеж. 1969.

Каримов Г.А. Архитектура крепостей Белгородской черты. Диссс. ... канд. архитектуры. М., 1977.

РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1626 г. № 13.

РГАДА. Ф. 210. Дела десятен. № 261.

РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 73.

РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 84.

РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 237.